

Юрий Курик

ШОУ ДЛЯ АДМИРАЛА

сатирический
роман 18+

Юрий Курик

Шоу для адмирала

«Издательские решения»

Курик Ю. Я.

Шоу для адмирала / Ю. Я. Курик — «Издательские решения»,

Желание на халяву разбогатеть привело в заброшенное сибирское село искателей лёгких денег. В Медвежьей Пади сошлись дорожки долларовой миллионерши, банды криминального авторитета, научного работника, элитной проститутки, офицера ФСБ и хронического уклониста от призыва в армию. На кону золотой запас царской России...

© Курик Ю. Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Шоу для адмирала
сатирический роман 18+
Юрий Курик**

© Юрий Курик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Армагеддон подкрался незаметно. Полный абзац вышел Ленинскому району города Глупово. Происки империалистов были здесь ни при чём. Во всём оказалась виновата супруга Сергея Водовозова – Варвара Карповна, в девичестве Занудина.

Дело было так. Намедни вечером супруг её Сергей на полном автопилоте совершил вынужденную посадку на лестничной площадке перед своей квартирой. Сел аккуратно, без повреждений. Как нельзя лучше пригодился многолетний опыт всепогодного круглогодичного пилотирования в любом состоянии души и тела. На остатках сознания он занялся полбутылки водки за шахту мусоросборника и отключился с чувством выполненного долга.

Через час госпожа Водовозова затащила позор всей семьи в квартиру и оставила в коридоре на коврике до прихода сознания или полиции. Ещё через пятнадцать минут она же нашла нычку Сергея Водовозова. Матерясь пахабными словами, вылила российский эликсир жизни собственноручно, и без капельки сожаления прямо в мусоропровод. Этим опрометчивым поступком она вызвала Армагеддон к пробуждению.

По раннему утру, полный радужных надежд в больной голове, господин Водовозов получил коварный удар судьбы и едва не лишился чувств. Нычка у мусоропровода исчезла! Вернее сказать, бутылка осталась, но оказалась безнадежно пустой! Только запах из горлышка дразнил нос и злорадно намекал на несбывшиеся мечты.

Денег с утра у Серёги отродясь не водилось. Он их принципиально пропивал ещё вечером. Злой, с головой полной похмельного синдрома, с трясущимися конечностями Серёга вынужден был, по милости родной жены, сесть на своё рабочее место. Сел и с трудом поймал рычаги управления экскаватора. Со всей российской дури и мощности японского движка Серёга бросил ковш со стальными зубьями в траншею и рванул его на себя.

Терпение Армагеддона лопнуло вместе с силовым кабелем, питающим электроэнергией весь Ленинский район города Глупово. Резервный кабель три дня назад порвали буровики «Глуповбурвода». Запасных кабелей в городе Глупово, понятное дело, не нашлось.

Армагеддон начался с прелюдии. Сначала замерли все электродвигатели от холодильников до водонасосной станции и очистных сооружений. Холодная вода исчезла в квартирах как явление природы, но горячая была. Её вынужденно стали употреблять вместо холодной. Над Ленинским районом образовался смог из запаха свежезапаренного кипятком дерьма. Очистные сооружения стало топить сточными водами. Отключили горячее водоснабжение.

Ленинскому району города Глупово пришёл полный абзац. Вот именно с этого момента, собственно говоря, и начинается наша история.

Извините за некоторые отдельные дурно пахнущие подробности, но благодаря им продюсер Вилли Шекспиров сподобился на эпохальное решение.

Как уже говорилось, всё началось с отключения горячего водоснабжения.

В связи, с чем пенсионеры, менеджеры, бухгалтера, вообще все гражданские, военные и дети насильственно лишились конституционного права свободного пользования личным унитазом, без риска свалить своё дерьмо на голову нижнего соседа. Отключить процесс пищеварения, как отключили холодную воду, не могли даже интеллигенты в пятом поколении. Все вынуждены были всё своё носить в себе до последней возможности. По исчерпанию всех возможностей организма, включая резервы и знание йоги, наступил этап под названием: «Кто, во что горазд!». Причём в прямом смысле этого выражения.

Хранить дерьмо как реликвию или ценность, по странному стечению обстоятельств, почему-то никому в голову не пришло. Дерьмо незатейливо, по-простому полетело вольной птицей в пакетах, кулёчках из окон и балконов.

Те, кто на ноги был здоров, делали отчаянные попытки донести своё дерьмо до работы или до кустика ближайшего сквера.

Процесс осквернения народным дерьмом светлой памяти товарища Ленина, чьё имя носил отдельно взятый район города Глупово, приобрёл массовый характер и угрожал привлечь внимание зарубежных средств информации.

Житель Ленинского района продюсер Вилли Шекспиров сознательно на людях сторонился политики. Правых, левых и даже центровых, он либо зло критиковал, либо беззаветно от всего сердца поддерживал, не скрывая своих эмоций, только как болельщик футбола.

Сейчас свою аполитичность Вилли выражал, устроившись в классической позе гордого орла в дальнем углу между гаражами. Он облегчал в одиночестве душу и тело.

Если где-то что-то убывает, то значит где-то, что-то прибывает.

Закон природы, знаете ли!

Из соображений этики не будем уточнять и показывать пальцем, где у кого и что убывало, и что под кем прибывало. Отметим только, на месте убывшего образуется пустота. Известное дело, матушка-природа на дух не переносит пустоту. Вот такая она скверная и вредная. Как только почувствует где-то пустое место, тот час норовит в него что-нибудь ввернуть, вставить, впендюрить. Какую-нибудь безделицу, а всё равно всучит. Правда случается, кое что путное возникает на пустом месте.

Широко известному каждому школяру Архимеду, когда он пребывал в абсолютно голом теле во время купания в ванне, пришла в голову гениальная мысль. Видно грязь-то с себя смыл и идея на пустое место и скаканула. Как есть в неглиже, но с той идеей в мозгах, Архимед выбежал голышом на мирно гуляющую публику. С криком «Эврика!» открыл им закон физики своего имени.

Ньютону яблочко ударило по темечку. От сотрясения в пустые места сместились свежие извилины мозга. Он неожиданно для себя и окружающих, открыл закон всемирного тяготения. Люди до сих пор им пользуются.

Вилли Шекспиров, конечно, не титан мысли, но всё ж не лишён полёта фантазии и отчаянной смелости мышления в рамках дозволенного.

Находясь в этих рамках и ощущая в себе нарастающую пустоту и облегчение, Вилли крыл площадными словами и целыми предложениями всех причастных к Армагеддону лиц.

В этот исторический момент до его сознания докатилась на первый взгляд мелкая, вздорная мыслишка, мол, как мы, городские жители, зависим от электричества. Абсолютно все, абсолютно во всём и абсолютно всегда! Без электричества мы не умеем жить. Вернее умели, но электричество, как всеобщий и доступный наркотик, отучило нас от жизни без телевизора, без тостера, компьютера, микроволновки, телефона, душа, санузла...

Продюсер Вилли Шекспиров от контакта с обесточенным катаклизмом и сидения в позе орла резко почувствовал себя беременным новой творческой идеей экстра-класса. Почти, как Архимед, только со спущенными штанами, но это уже не важные детали.

Вздорная, маленькая мыслишка родила прекрасный бизнес-проект, который Вилли через двое суток докладывал генеральному спонсору всех своих прежних успешных и не очень дел Зинаиде Аркадьевне Гриб.

Зинаида Аркадьевна Гриб, дитя отечественной демократии и номенклатурного блуда в городе Глупово слыла за «бизнесвумен».

Когда у банальной «вумен» появилась солидная, интригующая приставка «бизнес» в истории города не зафиксировано из-за незначительности события.

В те времена любую «вумен» возьми, она либо колготками, либо бижутерией, либо собой торговала. Злые языки утверждают, Зинка Гриб, когда была ещё просто «вумен» обладала весьма аппетитными формами и имела статус лётчика-строителя. Не авиастроителя, а именно лётчика-строителя.

Не особо понятливым или просто туго соображающим гражданам поясняем: Зинка перелетала из одной номенклатурной кровати в другую номенклатурную койку со стремительностью и, можно заметить, с грациозностью и изяществом всепогодного фронтового самолёта истребителя шестого поколения. При этом каждый раз на запасном аэродроме, с радикальной помощью знакомой гинекологини, производила текущий техосмотр и мелкий ремонт организма. Это позволяло ей удачно строить из себя непорочную девственницу при каждой посадке в номенклатурную кровать.

В жизни за всё нужно платить. Как сказал поэт:

Жареная рыбка, дорогой карась.

Где Ваша улыбка, что была вчерась?

Чтобы улыбаться и «вчера» и «сегодня» и с гарантией «завтра» желательно в должниках не ходить. Потому как сегодня это стоит рубль, а завтра уже десять. Если хочешь ещё поплясать на этом карнавале жизни, и сто отдашь не глядя, и не торгуясь.

Гордые и обманутые хитрой вечной девственницей Зинкой, номенклатурные самцы, за право первой ночи щедро платили. Сначала рублями, потом валютой, затем административными возможностями и должностями.

Так незаметно, без особого пота и мозолей, без отрыва от любимого хобби Зинка постепенно начала превращаться в Зинаиду. Как-то ненавязчиво вспомнилось её отчество «Аркадьевна». Зинаида Аркадьевна Гриб набиралась значительности и антуражу. Была она уже не «гражданка», но ещё не «госпожа».

Наконец, из кровати заместителя министра по малому и среднему предпринимательству областного правительства вылетела свежей выпечки «бизнесвумен» Зинаида Аркадьевна Гриб. Она приземлилась в кресло директора муниципального банно-прачечного комбината, который ею же, без шума и пыли, был приватизирован через тридцать суток.

Зинаида Аркадьевна показала себя женщиной далеко не глупой. Конечно не Мария Складовская-Кюри, но всё же и она кое-что полезное могла делать. В основном для себя. Зинаида Аркадьевна лично открыла закон сексуальной жизни: чем твёрже конец у мужчины, тем мягче у него мозги. С помощью этого закона она с успехом окучивала VIP – огород мужских фантазийных желаний. В результате повышенной урожайности на её огороде, банно-прачечный комбинат распался на сеть казино. Перед самым их запретом, они консолидировались и продолжили славную традицию комбинатов. На этот раз ликёроводочного и медеплавильного.

Таким образом, бывшая лётчик-строитель Зинка Гриб без остатка растворилась в неразберихе первых лет, обрушившегося на Россию, как понос, капитализма.

За крайние шесть лет Зинаида Аркадьевна дважды пыталась устроить личную жизнь. Выходила замуж. Оба раза очень удачно.

Первый муж, бездетный пивовар из Баварии, бывший легкоатлет, Ганс Мюллер. Он имел за плечами жизненный опыт в семьдесят лет и солидный капитал. Это ему не помогло. Он не выдержал трёхсуточного марафона первой брачной ночи и умер счастливый, на пике долгожданного, уже порядком подзабытого оргазма, от острой сердечнососудистой недостаточности.

Молодая безутешная вдова осталась одна-одинёшенькая в фамильном особняке в предгорьях Альп и с трудом разбиралась в его пятидесятиmillionном наследстве.

Второй муж француз месье Жан Жак Оливье, по странному стечению обстоятельств, тоже оказался круглым сиротой. Он был моложе первого мужа. Старше Зинаиды Аркадьевны

Гриб Мюллер, но моложе первого мужа. На три года. Видимо это и сыграло с ним злую шутку. Как настоящий француз Жан Жак был большой ветреник и пожелал показать молодой супруге свою не увядающую молодецкую удаль. Не рассчитал своих сил и возможностей. При демонстрации одной из запутанных поз Камасутры он свернул себе шею. Не вывернул, а качественно свернул, несмотря на хронический шейный остеохондроз. Спасти не удалось, хотя от остеохондроза перед смертью француз избавился.

От месье Оливье Зинаида Аркадьевна унаследовала французское гражданство, виноградники в Провансе и оливковую рощу в Испании. Теперь её полное имя звучало Зинаида Аркадьевна Гриб-Мюллер д» Оливье. Букву «д» с апострофом она самолично впендюрила в вязь своей визитки. Для значительности.

Мы же, по простоте души и недостаточности образования, думаем, ежели, ты гол, как сокол и, мягко говоря, с обнажённой задницей, то никакие апострофы не помогут. Задницу ими не прикроешь и на хлеб не намажешь. Так, бесполезная в природе закорючка. Однако с другой стороны, эта закорючка звону в фамилии существенно добавляет. Послушайте, как звучит: мадам Гриб-Мюллер де Оливье! Почти, как мадам де Помпадур. Красиво звучит.

Зинаида Аркадьевна и сама очень достойно смотрелась и была почти красавицей. Из пятидесяти трёх прожитых ею лет, пара десятилетий, безжалостно, можно сказать зверски, зарезали лучшие пластические хирурги Франции и Германии. Фирменный силикон из США всем выпуклостям её тела придавал упругость шин «Cargian». Подчёркивал при этом томность и загадочность всех её впуклостей. Полные сочные губы обнажали белые американские зубы в открытой дружелюбной улыбке, либо в зверином оскале готовой к прыжку тигрицы.

За годы перелётов с одного конца на другой конец мира Зинаида Андреевна обрела международный лоск и шарм особы, приближённой к большим деньгам. Однако внутри роскошной и богатой мадам Оливье на ПМЖ основательно устроилась прежняя Зинка Гриб. Мимо её ухоженных, утончённых форм хватких рученок, не мог проскользнуть даже самый малюсенький шанс на какие-то дивиденды.

Если отбросить политесы в сторону, то можно сказать, Зинаида Аркадьевна акулой бизнеса не была. Скорее она смахивала на курицу, гребущую всё под себя и клюющую по зёрнышку. Тихо, мирно. Без криминала, пальбы из всех видов оружия, без головокружительных погонь и трупов. Да, да! Никаких трупов за мадам Оливье не числилось. Покойников мужей в расчёт брать не серьёзно. Право слово, один смех получается.

Пивовар мужчина серьёзный, обеспеченный, спору нет, но какой же он не расчётливый! Ещё легкоатлет называется! Рванул на молодой жене на тыщу, как на пятьсот, и спёкся. Натурально причём. Куда, спрашивается, спешил? Жена законная, не чужая, чтоб в спешке смерть свою догнать.

Про французика вспоминать, вообще, тошно. Хвастун месье, прости меня господи! Он и в двадцать-то лет ничего путного изобразить не мог, даром что француз. А тут, под старую жопу, решил выпендрёж устроить и себя восьмёркой закрутить. Гимнаст, хренов! Тыковка французская не выдержала и с резьбы слетела. Слава богу, перед кончиной французик от остеохондроза вылечился. Был бы месье скромнее, без выкрутасов, глядишь и жив остался.

Была у Зинаиды Аркадьевны одна страстишка. Вы, само собою, подумали, мол, дамочка при больших капиталах, как пить дать, отдалась коллекционированию брюлликов, либо золотых побрякушек. Ан, нет! К украшениям она дышала ровно. Переболела ими, как свинкой, лет двадцать назад, а сейчас ни-ни! Самый минимум для статуса имела, но не более того.

Страстишка была у неё другого толка и корнями уходила в её сопливое детство. Любила, грешным делом, прабабка Зинаиды Аркадьевны Глафира Семёновна, длинными вечерами, перебирать своими узловатыми руками, старые фотографии родных, письма, открытки. Глядя

на них, чуть шевеля ниточками губ, она нашёптывала их имена. Вспоминала, глядя на письма с Белорусского фронта горячо любимого мужа, поругивалась на письма из тюрьмы от обоих сыновей... и вспоминала... вспоминала...

Зинка Гриб, так же как её покойная прабабка, любила в одиночестве устроиться перед играющим пламенем камина с бутылкой лёгкого вина со своего виноградника, и в неровном свете перелистывать дорогие листы фамильных альбомов семейства Жан Жак Оливье. Угадывала степень родства. Просто любовалась на старинные фото импозантных, чопорных, красивых и не очень симпатичных, а порой просто смешных господ. Фото то в ателье, то на фоне каких-то замков, стен, увешанных геральдическими знаками и оружием. В тайниках души она надеялась встретить в архиве Жан Жака какой-нибудь документ, свидетельствующий не только о старинности рода Оливье, но и о его знатности. Чем чёрт не шутит, а вдруг, кто-то, когда-то был кем-то из них! Например, виконтом, или маркизом, а то и графом! Представляете, как можно было бы шикарно представляться: графиня Гриб-Мюллер д» Оливье! Блеск!

Специальных поисков титулованных родственников Зинаида Аркадьевна не затевала, но всё ж, когда перебирала семейный архив своего покойного мужа, мысль случайно нечаянно стать какой-нибудь баронессой, изредка тревожила её душу.

Пока Зинаида Аркадьевна оставалась без титульной особой. Страсть к разбирательству архива принесла в её жизнь неожиданные результаты. Поверить в них просто невозможно.

В один из предновогодних вечеров она обнаружила в архиве и извлекла на свет божий пачку пожелтевших от времени писем, перевязанных чёрно-оранжевой георгиевской лентой.

Какими судьбами они попали в семейный архив Жан Жака Оливье, и с какой целью, абсолютно не понятно. Ни поясняющей записки, ни письма, сопровождающего это собрание эпистолярного жанра, Зинаида Аркадьевна не нашла. Она твёрдо знала, месье Оливье письменный русский язык, и уж, тем более в его дореволюционной транскрипции, не знал. Шансов прочесть это письмо самостоятельно Жан Жак не имел. Скорее всего, он их, вообще, не собирався читать. Покойник читать не любил. Кроме цен на вино и оливки. При его небрежном отношении к архиву о наличии этих писем мог и не знать.

Так или иначе, но Зинаида Аркадьевна, со всеми предосторожностями, с трудом развязала тугой узел георгиевской ленточки и горстка пожелтевших листков рассыпалась. Осторожно, стараясь дышать в сторону, она развернула первый, грозивший развалиться прямо в руках, лист. Напрягая зрение, начала медленно разбирать каллиграфическую вязь славянских букв... Какой-то барон, поручик фон Шнитке обращался в письме, видимо, к невесте, либо к молодой супруге. Называл её «милый друг», «душа моя», «радость всей моей жизни». У «милого друга» оказалось, есть имя, «Натали». К ней адресованы все письма.

Словосочетание «фон Шнитке» и «барон» ласкали слух Зинаиды Аркадьевны, будоражили мечты. Она в нетерпении хотела прочитать сразу все письма. Однако, глядя на их ветхое состояние, приняла благоразумное и верное решение. Отдала их на реставрацию и в дальнейшем изучала только фотокопии писем. Оригиналы держала в сейфе швейцарского банка.

Для человека, не знающего истории России письма поручика фон Шнитке не представляли ровным счётом никакого интереса. Так, пустая болтовня о том, о сём. О знакомых, о родных, о походных трудностях.

Первые письма от поручика фон Шнитке помечены годами первой Мировой войны и адресовались всё той же Натали. Из них Зинаида Аркадьевна узнала, барон служил при штабе легендарного генерала Брусилова. Участвовал в знаменитом Брусилловском прорыве. Возглавил атаку пехотного батальона вместо убитого командира. За проявленную в бою храбрость, получил орден и немецкую пулю в грудь. Правда, в обратном порядке. Сначала от немецкой руки получил пулю в грудь и по выздоровлению от имени российского самодержца Николая II орден.

На этом письма поручика российской армии барона фон Шнитке Вильгельма Оттовича с первой Мировой войны обрываются. Информационный провал простирается до 1918 года. Видимо, поручик счастливо залечил боевые ранения и воссоединился с любимой Натали.

Революционный шабаш, взбаламутивший Россию, закинул барона, всё так же в звании поручика, в штаб армии адмирала Колчака...

Зинаида Аркадьевна, как стакан, захватанный десятками рук, хранила следы образованности своих любовников. Кто из бывших её мужчин оставил в памяти сведения об Александре Васильевиче Колчаке, она не помнила. Не важно, кто сподобился приправить измену супружескому ложу авантюрными историзмами. Батюшка ли «Святотроицкой Церкви» или Эраст Фёдорович – ректор Универа. В сознании Зинаиды Аркадьевны имя адмирала Колчак прочно связалось с пропавшим золотым запасом царской России. В деталях, эту полную драматических загадок историю, она, естественно, не знала. Вины её в этом нет. Постельные лектора, озабочены в основном хамским тыканьем в её молодой цветущий организм и народным просвещением занимались спустя рукава.

Кто-то из них рассказал Зинаиде Аркадьевне, что в годы первой Мировой войны император всея Руси Николай II, опасаясь взятия Петербурга немцами, распорядился эвакуировать золотой запас России от греха подальше в глубокий тыл страны, в город Казань.

Большевики развязали гражданскую войну и вся страна стала сплошной линией фронта.

Генерал Владимир Оскарович Капель, один из лидеров белого освободительного движения, с боями взял Казань и вывез золото в Омск, в ставку главнокомандующего адмирала Колчака.

Дальнейшую судьбу золотого запаса России, прочно связанную молвою с именем Александра Васильевича Колчака, проследить очень трудно.

По одной из версий золото отправили по Транссибу в Японию. В районе озера Байкал состав потерпел крушение. Часть золота ушла на дно, другая большая часть попала в Японию.

По другой версии золото захватили белочехи и отправили в Европу.

По третьей версии барон Унгерт вывез золотой запас России в Маньчжурию.

Версий, слухов, сплетен, а то и банального вранья, вымыслов вокруг золота Колчака предостаточно. Фактически по настоящее время местонахождение золота Колчака остаётся тайной.

Тайной для всех, но не для Зинаиды Аркадьевны. Она в собственных руках держала фотокопию письма колчаковского боевого офицера, поручика барона фон Шнитке. В нём Вильгельм Оттович неизменно обращается к своей любимой Натали, и сетует на превратности судьбы и на несправедливое отношение к нему лично его превосходительства адмирала.

«Душа моя!» – писал поручик – «Адмирал, против обыкновения, со мною сух и краток, до обидного. Назначил меня начальником охраны тылового обоза. Право слово, не знаю за собой вины, чтоб меня, боевого офицера, в обозники определили. Письмо отправляю с оказией. Приятель мой штабс-капитан Вахрамеев через своего знакомого направит письмо в Екатеринбург, а там, бог даст, оно и до тебя дойдёт. Будет ли возможность отписать тебе, не знаю. Конечная точка обозного маршрута содержится в секрете. Кроме полковника Зотова никто не ведаёт цели нашей обозной колонны, но он человек из контрразведки. У него слова лишнего не вытянешь. Штабс-капитан торопит. Передавай привет маменьке. Целую. Люблю. Твой Вилли.»

Письмо, как письмо. Никаких тайн. Однако любопытная Зинаида Аркадьевна задалась рядом вопросов:

Почему адмирал Колчак лично организовывал обоз и назначил начальником охраны офицера с большим боевым опытом, проверенного в прошедших военных компаниях, а начальником полковника, контрразведчика Зотова?

Ясно, секретность продвижения обозной колонны связана с перевозимым грузом. Что охранял поручик со своими людьми?

Куда перевозился, несомненно, ценный груз? Где конечная точка маршрута?

Как сложилась судьба обозной колонны?

Долго бы эти вопросы царапали мозги и душу Зинаиды Аркадьевны своей неразрешимостью, но ей попалось из того же архива ещё одно чрезвычайно любопытное письмо. Даже не письмо, а часть его на одном листе бумаги. Около трети верха было оторвано.

Писал пономарь церкви «Святой Богородицы»: «...отряд Яшки-партизана. Казачков оне побиили, как есть. Господин поручик остался в заслоне насмерть с небольшим отрядом, а обоз-то полковник Зотов спехом уводил через горный хребет к нам в Медвежья Падь. Проход полковник за собой взорвал, чем и получил передышку от погони. Яшке-партизану вкруголя идтить, дён двадцать надобно, а то и поболе... «... жизнь, это отсроченные похороны. Умирать страшно, а жить противно» – так говорил покойный полковник. Он и его людишки числом в 28 солдатских душ убрались с миром к богу. Сыпной тиф всех и красных, и белых, и богатых, и бедных выровнял на свой аршин... Всем воздал по грехам его!...».

Строки письма обрывались так же неожиданно, как и появились.

Судьба поручика барона фон Шнитке, полковника Зотова, казаков, вызывала сострадания. Зинаида Аркадьевна не могла видеть мучения курицы, которую режут, но страдания жареной курочки её не касались. Судьба груза в Колчаковском обозе была той жареной курицей, манившей мадам Оливье. Из второго письма Зинаида Аркадьевна установила последний населённый пункт нахождения обоза. Село Медвежья Падь. Именно село, а не деревня. В Медвежьей Пади была церковь, а при ней пономарь, написавший неизвестно кому письмо о последних днях охраны колчаковского обоза.

Надо отдать должное выдержке Зинаиды Аркадьевны. С появлением письменных фактов наличия в колчаковском обозе ценного груза и отправке, по крайней мере, части его, под усиленной охраной по секретному маршруту, она не стала хватать за нервы первых встречных и благовестить на весь мир о найденных следах колчаковского золота.

Напротив. Тихой сапой она начала собирать и финансировать этнографические, исторические экспедиции в район между Омском и бывшим селом Медвежья Падь.

В лихую годину гражданской войны богатое село Медвежья Падь почти всё вымерло от эпидемии сыпного тифа. Перед 1941 годом село начинало оживать, но Великая Отечественная собрала свою смертельную жатву среди сельских мужиков. После десятилетий повседневного морального блуда социализма с человеческим лицом и народа его населяющего, мы рванули наперегонки с историей. Выбежали из капитализма, быстро пробежали социализм. По пути вдребезги разнесли его человеческое лицо и вновь вляпались в капитализм. Причём в свой же, и со звериным оскалом. Как говаривал батенька мадам Гриб-Мюллер де Оливье Захар Ильич: «С дуру-то и хрен сломать можно!»

Дурости за крайние 25 лет нагородили больше, чем возможно даже теоретически. Как один из печальных результатов, с карты России начали исчезать не только деревни, сёла, но и небольшие городки.

Село Медвежья Падь битое, перебитое белыми и красными, большевиками-коммунистами, доби́ли доморощенный капитализм. Брошенное село, как калека, умирающий в дорожной пыли. Одинокий, обречённый. Этим конкретным бывшим селом очень заинтересовалась

бизнесумен из города Глупово мадам Гриб-Мюллер де Оливье. Она была далека от возрождения отечественного села, которое с успехом угробили рулевые России. У неё в этом деле были свои резоны.

Бывшее село Медвежья Падь Зинаида Аркадьевна решила обследовать лично. Но как это организовать, не привлекая внимания органов компетентных и прочих печать держащих?

Решение пока не находилось. В щель между прошлым и будущим продолжало бесследно исчезать время.

– Шекспиров! Ты настолько гениален, что посещение нужника превращается в творческий акт! – досадливо махнула рукой Зинаида Аркадьевна на продюсера, – жестокая стихия быта сметёт конкурсантов с экранов за неделю!

– Не скажите, Зинаида Аркадьевна, ох не скажите! – упорствовал Шекспиров. – Плюющий и подтирающий чужие плевки члены одной партии. Что может принудить взять на себя труд подтирать чужую грязь? Если не рабство, то выгода! Ключевое слово выгода! За приличный куш наши люди проживут без благ цивилизации и год и два! Живут же крестьяне без электричества, газа, центрального холодного и горячего водоснабжения, без телефона, без медицинской и скорой полицейской помощи десятками лет и ничего. Даже ещё имеют смелость размножаться.

– Ага! И это морально-запойное уродство ты предлагаешь превратить в шоу?

Неопределённая талантливость раздирала шекспировскую душу на мелкие части.

– Зинаида Аркадьевна! Суть нашего реалити-шоу в том, что мы заселяем в отдалённую заброшенную деревню молодых людей. Они тяжелее ложки в своих руках никогда ничего не держали и отличить фриксию от фикции не могут под угрозой расстрела.

– Шекспиров! Твоя идея создать реалити-шоу, используя ограниченно годных к умственному труду, провально изначально...

Градус кипения творческой мысли зашкаливал. Шекспиров не выдержал и перебил свою шефиню:

– Зинаида Аркадьевна! Помилуйте! Идея реалити-шоу родилась не на пустом месте и, честно говоря, не я её автор.

– А кто же?

– Администрация города. Она лишила целый район всех, подчёркиваю всех благ цивилизации. Оказывается, цивилизация развращает деятельную натуру, приучает к праздности, лени мысли. Делает человека полностью зависимым от своих услуг, которые почему-то называют благом цивилизации, хотя входят в разряд навязанных услуг. В результате, в общем-то, неплохие, а местами даже очень хорошие и привлекательные люди-человеки, не могут и не умеют жить в отрыве от холодильника, туалета, тостера, телефона. Люди не знают, как испечь в деревенской печи хлеб. Как поставить квас, завести квашню, подоить корову, посеять морковь, заварить кисель и сделать ещё тысячу привычных для наших бабушек и дедушек дел, которые жизнь без благ цивилизации делали и здоровой и красивой.

Зинаида Аркадьевна задумалась. Честно говоря, она сразу оценила идею Шекспирова и, более того, про себя уже и место проведения реалити-шоу определила – брошенное село Медвежья Падь. Всё складывалось чудненько. Желания начинали совпадать с возможностями.

– Шекспиров! Уговорил! Согласна при условии, что я лично буду принимать участие в шоу!

– Мать моя богородица! В качестве кого?

– Если не возражаешь, то в качестве спонсора...

– Ну, что Вы, Зинаида Аркадьевна! Какие могут быть возражения!

– Вот и хорошо, друг мой. Кто платит музыку, тот танцует, как желает?

– Естественно, уважаемая Зинаида Аркадьевна

– Я желаю быть в шоу в качестве одной из конкурсанток!

– Вы?

– Я!

– Инкогнито?

– Зачем же. Наоборот. Объявить, как можно шире – в шоу принимает участие долларовая миллионерша, мадам Гриб-Мюллер де Оливье собственной персоной. Рейтинг будет зашкаливать.

– Ну, да. Конечно, конечно – замялил Шекспиров. – Но, поймите, правильно. Вам, как и всем конкурсантам, придётся преодолевать определённые трудности.

– Ах, Шекспиров! – засмеялась Зинаида Аркадьевна. – Я не родилась миллионершей. К своим миллионам я прошла длинный и трудный путь. Жизнь показывала мне разные фокусы и многому научила. Ты прав, Шекспиров! В городе все мы централизованы, как трамвайные вагоны. Каждый со своей дугой. Ограничены рельсами и на привязи у дуги. В конце концов, кто главный в доме, я или дуга? Я для жизни или жизнь для меня? Что до преодоления трудностей, которые ты уготовишь на нашем тернистом пути, то учти, Шекспиров, я интеллигентка только в особых обстоятельствах. В остальном, я обыкновенная русская баба, слегка испорченная баксами.

Странное дело чудеса природы. Флора порой выкидывает прямо политические лозунги, а призвать к ответу вроде как некого и не за что, а фактик-то вон он стоит. Эдакая, убогенькая осина органично смотрится как стела памяти на нищенской жизни россиян. Убогую же пальму на берегу Арабских Эмиратов и представить себе невозможно, не то, что воочию увидеть.

Нищета заостряет восприятие вещей. Поэтому сытый по определению не понимает голодного. Они разговаривают на разных языках и о различных вещах.

Одно явление в городе Глупово дало надежду обездоленным и потешило самолюбие гладких и сытенных. Телевидение объявило кастинг для участия в реалити-шоу с небывалым призом в десять миллионов полновесных американских долларов. Случай небывалый на отечественном ТВ. Правда, условия проведения шоу организаторами тщательно скрывались. Было известно о участии в нем генерального спонсора шоу мадам Гриб-Мюллер де Оливье. Она на общих основаниях примет участие в борьбе конкурсантов за приз. В случае победы обещала поделит все деньги между вторым и третьим местом.

Узнав об участии миллионерши в реалити-шоу, мужчины ещё на стадии отбора срочно побрили подмышки и занялись интенсивным фитнесом. Тела, замурованные сутками в дресскодовые одежды, обзавелись уютными животиками и расплюснутыми об офисные стулья задницами. С этим нужно было что-то срочно делать. Известное дело, миллионерши любят мужчин сильных, подтянутых. Всегда готовых к исполнению своих мужских функций. Эдакая помесь доberman с кроликом. Узнав о вдовстве мадам Оливье, глуповские мужики, вне зависимости от возраста и семейного положения, втайне лелеяли мечту скрасить вдовье постельное одиночество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.